

Социальная защита против преступности

Эррико Малатеста

2 сентября 1921

Надо признать, что мы, анархисты, обрисовывая будущее общество, каким мы его желаем, – общество без хозяев и без жандармов, – в общем сделали дело слишком уж простым.

В то время как мы упрекаем противников в том, что они не умеют абстрагироваться от условий настоящего и считают невозможными коммунизм и анархию, – потому что воображают, будто человек должен остаться таким, каков он сегодня, со всеми своими эгоизмами, своими пороками и своими страхами, даже после того как будут устранены причины этих недостатков, – мы, со своей стороны, обходим молчанием трудности и сомнения, предполагая уже полностью достигнутыми те морализующие результаты, на которые мы рассчитываем от уничтожения экономических привилегий и от торжества свободы.

Так, если нам говорят, что будут люди, которые не захотят работать, мы тотчас же пускаемся в пространные рассуждения, чтобы доказать, что труд, то есть упражне-

Эррико Малатеста
Социальная защита против преступности
2 сентября 1921

Umanità Nova, год 2-й, №122

ru.anarchistlibraries.net

ние своих способностей и удовольствие от производства, есть условие человеческого благосостояния, и что поэтому нелепо думать, будто здоровые люди захотели бы уклониться от необходимости производить для сообщества, если бы труд не был, как сегодня, угнетён, эксплуатируем и презираем.

А если нам противопоставляют преступные, антиобщественные наклонности и привычки одной части – пусть даже самой малой – населения, мы отвечаем, что, за исключением редких и спорных случаев врождённого недуга, о которых надлежит позаботиться врачам, преступления имеют социальное происхождение и исчезли бы с изменением общественных учреждений.

Быть может, этот преувеличенный оптимизм, эта *упрошенность*, могли иметь свою долю пользы, когда анархическое общество было поистине прекрасной мечтой, поспешным предвосхищением, и нужно было подталкивать к возможно более высокому идеалу и внушать энтузиазм, подчёркивая контраст между сегодняшним адом и желанным раем завтрашнего дня.

Но времена изменились. Государственническое и капиталистическое общество находится в полном кризисе – распада или переустройства, – в зависимости от того, смогут ли революционеры и сумеют ли они дать почувствовать влияние своих концепций и своей силы; и, быть может, мы накануне первых попыток осуществления.

Итак, нужно немного оставить идиллические описания и картины будущего, далёкого совершенства, и смотреть на вещи такими, каковы они сегодня и каковы они будут – насколько возможно предвидеть – в ближайшем завтра.

Поговорим о преступности.

Вне всякого сомнения – это признают теперь даже самые упорные консерваторы, – что наибольшая часть преступлений, прямо или косвенно, имеет социальное про-

На практике произойдёт то, что может произойти. На нас лежит миссия следить за тем, чтобы необходимая работа по защите не стала предлогом и поводом для умаления свободы в пользу определённых классов или определённых партий; противиться созданию корпусов, специализирующихся на подавлении, то есть созданию палачей и профессиональных судей; исследовать причины остаточной преступности и стараться устранить их; следить за тем, чтобы, пока существуют тюрьмы и исправительные колонии, они действительно были учреждениями перевоспитания, с мягким обращением, открытыми для общественного контроля, а не местами пытки и развращения.

И своим трудом мы должны будем содействовать высшей цели цивилизации: устранению насилия и всякого принуждения из человеческих отношений.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА

того, что во многих отношениях заставили бы сожалеть о кончине буржуазного строя.

По нашему мнению, исполнение общественных обязанностей должно быть добровольным. Право вмешиваться с помощью материальной силы появляется только в отношении тех, кто насильственно оскорблял бы других и препятствовал мирному общественному сожительству. Силу, физическое принуждение следует применять лишь против насильственного материального нападения и исключительно по необходимости защиты.

Но кто будет судить? кто обеспечит необходимую защиту? кто установит средства подавления?

Мы не видим иного пути, кроме как позволить действовать заинтересованным лицам, позволить действовать народу, то есть массе граждан, которая будет поступать по-разному в зависимости от обстоятельств и от своей различной степени цивилизованности.

Нужно прежде всего избегать создания корпусов, специализирующихся на полицейской работе: будет, быть может, потеряно нечто в отношении репрессивной эффективности, но зато удастся избежать создания орудия всякой тирании.

Мы не верим в непогрешимость и тем более в неизменную доброту масс: совсем наоборот. Но ещё меньше мы верим в непогрешимость и доброту людей, которые захватывают власть, и законодательствуют, и закрепляют, и увековечивают идеи и интересы, господствующие в данный момент.

Лучше во всех случаях несправедливость, преходящее насилие народа, чем свинцовый колпак, узаконенное насилие судебного и полицейского государства.

Впрочем, мы – лишь одна из сил, действующих в обществе, и история будет двигаться, как всегда, согласно равнодействующей сил.

исхождение; и даже та малая часть, которая берёт своё начало в природных факторах, может быть нейтрализована и исправлена соответствующими учреждениями.

Но социальные условия – с одной стороны, нищета и невежество, а с другой – богатство и власть с их специфическими последствиями физической и моральной деградации, – помимо того что порождают непосредственные преступные деяния, производят также привычки, душевные состояния, неспособности, которые не могут внезапно и полностью исчезнуть, как только изменятся условия, их породившие.

Следовательно, нужно считаться с остатком преступности; остатком, который, как мы надеемся, будет устранён более или менее быстро, но который тем временем обяжет массу трудящихся к действиям по защите.

Отбросив всякую мысль о наказании и мести – а ведь именно эта мысль ещё преобладает в уголовном праве, – и вдохновляясь только необходимостью защиты и желанием исправлять и помогать, мы должны искать средства для достижения цели, не впадая в опасности авторитаризма и не вступая в противоречие с системой свободы и воли, на которой мы хотим основать новое общество.

Проблема не легка и не допускает абсолютных и общих решений, применимых ко всем случаям, ко всем местам и ко всем временам.

Для авторитариев, для государственных людей вопрос прост: Законодательный корпус, чтобы классифицировать преступления и предписывать наказания, полиция, чтобы разыскивать преступников, магистратура, чтобы судить их, корпус тюремщиков, чтобы заставлять их страдать. И, как естественно, законодательный корпус стремится с помощью уголовных законов защищать прежде всего сложившиеся интересы, которые он представляет, и обезопасить государство от попыток «ниспровергателей»; полиция; жи-

вущая подавлением преступлений, заинтересована в том, чтобы преступления совершались, становится провокатором и развивает в своих людях зверские и извращённые инстинкты; магистратура живёт и процветает тоже благодаря преступлению и преступникам, служит интересам правительства и господствующих классов и приобретает в упражнении своего ремесла особую ментальность, которая делает из неё машину для осуждения возможно большего числа людей к возможно более тяжким наказаниям; тюремщики либо уже нечувствительны, либо становятся нечувствительными к страданиям заключённых и, в лучшем случае, пассивно соблюдают правила, без единого проблеска человеческого сочувствия. Результаты видны в статистике преступности. Меняют уголовные законы, реформируют полицию и магистратуру, изменяют тюремные системы... а преступность продолжается и сопротивляется всем попыткам уничтожить или ослабить её. И это верно для прошлого и настоящего, и мы полагаем, что это будет верно и в будущем, если радикально не изменить понятие преступления и не упразднить все органы, живущие на розыске и подавлении преступности.

Но прежде всего: какие факты можно квалифицировать как преступления и которые, по нашему мнению, дают право на подавление с помощью материальной силы? и кто должен решать, является ли деяние преступным и наказуемым и кто виновен в этом деянии?

С прогрессом цивилизации, с ростом социальных связей, с растущим сознанием естественной солидарности, объединяющей людей, с повышением интеллекта и с утончением чувствительности, несомненно, возрастут общественные обязанности, и многие действия, которые считались относящимися к строго индивидуальному праву и независимыми от всякого коллективного контроля, приобретут – и уже сегодня приобретают – характер вещей,

касающихся всех и долженствующих регулироваться соответственно общему интересу. Например, уже сегодня не считается позволительным, чтобы отец оставлял своих детей в невежестве и воспитывал их способом, вредным для их развития и будущего благополучия. Не позволительно человеку оставаться в грязи и пренебрегать теми правилами гигиены, которые могут влиять на здоровье других; не позволительно иметь инфекционную болезнь и не лечиться, иметь отвратительную болезнь и выставять её напоказ. Завтра будет считаться обязательным усилие, направленное на обеспечение блага всех, как будет считаться виновным произведение потомства, если есть основания полагать, что потомство будет болезненным или несчастным.

Но это чувство обязанностей – наших по отношению к другим и других по отношению к нам – должно, согласно нашей общественной концепции, развиваться свободно, без иной внешней санкции, кроме уважения или неодобрения сограждан. Уважение, желание блага другим должно войти в привычку и выступать уже не как обязанность, а как нормальное удовлетворение общественных инстинктов.

Есть такие, кто мечтает морализировать людей силой, кто хотел бы установить статью уголовного кодекса для каждого возможного акта жизни, кто охотно поставил бы жандарма рядом с каждым ложем и каждым столом. Но эти люди, если у них нет принудительных средств, чтобы навязать свои идеи, добиваются лишь того, что выставляют в смешном виде лучшие вещи; а если у них есть власть повелевать, тогда они делают добро ненавистным и вызывают реакцию.

У социалистов есть эта склонность – желать регламентировать всё, но мы полагаем, что они добились бы лишь